
РЕЦЕНЗИИ

Ф. И. ГИРЕНОК

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СОБОЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИНГУЛЯРНОЙ ФИЛОСОФИИ?*

Сет А. Быть собой: Новая теория сознания. М. : Альпина нон-фикшн, 2023. 400 с.

В статье анализируется новая теория сознания Анила Сета, в которой происходит отказ от философии Декарта и принимается в расчет философия Ламетри, не позволяющая провести принципиальную границу между человеком и животным. Для объяснения сознания в данном случае ничего не нужно, кроме материи. А. Сет понимает сознание как некий биологический процесс, а любые восприятия относит к контролируемым галлюцинациям. Сознание, согласно Сету, возникает как перцептивное предвидение поведения животного в условиях среды его обитания. При этом в основе теории Сета лежит предположение о том, что любое живое существо имеет чувство самого себя. Автор показывает, что галлюцинации являются неконтролируемыми восприятиями, а чувство самого себя может возникнуть только у того, кто может воздействовать на себя во времени. В статье анализируются философские проблемы сознания, бессознательного, перцепций и апперцепций, различия окружающей среды и человеческой реальности, эмоций и аффектов. Автор видит достоинство теории Сета в том, что тот различает «трудную проблему сознания» и «настоящую проблему сознания».

Ключевые слова: сознание, бессознательное, образ, восприятие, человеческая реальность, художественная реальность, трудная проблема сознания, время, субъективный опыт, галлюцинация.

* **Для цитирования:** Гиренок Ф. И. Что значит быть собой с точки зрения сингулярной философии? // Философия и общество. 2026. № 2. С. 131–141. DOI: 10.30884/jfio/2026.02.08.

For citation: Girenok F. I. What Does It Mean to Be Yourself from the Perspective of Singular Philosophy? // *Filosofiya i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2026. No. 2. Pp. 131–141. DOI: 10.30884/jfio/2026.02.08 (in Russian).

Философия и общество, № 2 2026 131–141

DOI: 10.30884/jfio/2026.02.08

The article analyzes Anil Seth's new theory of consciousness, which rejects Descartes' philosophy and takes into account Lametri's philosophy, which does not allow drawing a fundamental line between man and animal. In this case, nothing is needed to explain consciousness except matter. A. Seth understands consciousness as a kind of biological process, and any perception refers to controlled hallucinations. Consciousness, according to Seth, arises as a perceptual prediction of an animal's behavior in its habitat. At the same time, Seth's theory is based on the assumption that any living being has a sense of himself. The author shows that hallucinations are uncontrollable perceptions, and a sense of oneself can only arise from someone who can influence himself in time. The article analyzes the philosophical problems of consciousness, the unconscious, perceptions and apperceptions, the differences between the environment and human reality, emotions and affects. The author sees the advantage of Seth's theory in that he distinguishes between the "difficult problem of consciousness" and the "real problem of consciousness".

Keywords: *consciousness, unconscious, image, perception, human reality, artistic reality, difficult problem of consciousness, time, subjective experience, hallucination.*

Быть собой означает познавать в мире то, что ты уже вложил в него. Человек, открыв в себе свою самость, теряет возможность бросать прямой взгляд на вещи, чтобы увидеть их суть. Это делает ученый. Неученый бросает на все свой взгляд так, будто он движется не прямо, а по какой-то кривой линии, с надеждой, что она (линия) не растворится в мире, а где-нибудь да пересечется с собой, то есть взгляд вернется к тому, кто его бросает.

Нейробиологи ищут ответ на вопрос: каким образом в человеческом мозге деятельность миллиардов нейронов порождает сознательный опыт? «Как это происходит? Почему, — пишет Анил Сет, — у нас есть возможность проживать жизнь от “первого лица”?» (с. 10). Ответ нейробиолога состоит в следующем. Это происходит потому, что у нас есть чувство самих себя. Рассмотрим, говорит Сет, такой феномен, как «я». Это и не разум, и не душа. «Это, — пишет Сет, — глубоко укорененный в организме биологический процесс... на котором базируется простое ощущение себя живым...» (с. 15).

Что по этому поводу думают философы? Э. Гуссерль, например, видит в «я» производящую причину. «Я» для него производит сознание. Ж.-П. Сартр выступает против Гуссерля. Для Сартра «я», наоборот, является продуктом сознания. В свою очередь, Сартр склонен рассматривать сознание как результат рефлексии человека

на самого себя. Столкнувшись с языком, человек теряет связь с настоящим, ибо с настоящим его связывают чувства, а не язык. Язык помещает человека в будущее, из которого он говорит о прошлом, либо в прошлое, из которого он говорит о будущем.

К. Юнг полагает, что причина «я» находится не в языке и не в рефлексии. Она в устройстве «мы», в коллективном бессознательном и его архетипах. Коллективное бессознательное становится коллективным сознанием. И наоборот. Ни в том ни в другом случае оно не связано с волей. С волей связано «я» и индивидуальное сознание. Коллективное сознание действует без осознания себя человеком. Это сознание Юнг называет дремой, или, что то же самое, сном наяву. Коллективное сознание «мы» является бессознательным «я». Движение от «мы» к «я» не является биологическим процессом. В нем нет никакой надобности.

Ощущение себя требует внутреннего движения образов в организме. Но внутреннее движение сигналов прерывает потоки внешних сигналов. А это ведет к дезорганизации движения организма в окружающей среде. Внутренние токи информации эволюционно не обоснованы. В новой теории сознания А. Сета не различаются образы и сигналы, поэтому на языке его теории трудно понять, люди плачут, потому что им страшно, или, наоборот, им страшно, потому что они плачут. «У тревоги нет тыльной стороны, у грусти – боков, у радости – прямоугольников. Восприятие “изнутри”, на котором строятся аффективные переживания, не дает представления о форме и местонахождении разнородных внутренних органов...» (с. 221–222).

Для чего человеку эмоция? А. Сет говорит – для прогноза. Прогнозирует мозг. Но зачем человек переживает этот прогноз? Нельзя ли прогнозировать без переживаний? Сет не отвечает на этот вопрос. Мозг существует не для того, чтобы сочинять стихи, он не для мышления, не для восприятия мира. Мозг, пишет Сет, для выживания организма. Но дерево тоже выживает, хотя у него нет мозга и оно не переживает. У мозга нет прямых связей с источниками сигналов, поэтому переживание, на взгляд Сета, минимизирует ошибки в предположениях мозга. Таков ответ нейropsychолога.

Чувство себя – это не чувство мозга. Чувство себя возможно у организма. Мозг же – это просто электрохимическая машина. Мыслит не голова, говорит Э. В. Ильенков, а человек при помощи головы. То есть чувство себя принадлежит человеку, а не голове.

«Возможно ли сознание без осознания себя?» – спрашивает А. Сет (с. 13). Мы ответим: конечно, возможно, но только в случае потери инстинкта. В этом случае сознание без осознания себя будет называться коллективным сознанием. За коллективным образованием будет стоять некое «мы». «Я» есть всегда «мы» за пределами себя.

Ответили ли мы на исходный вопрос о деятельности миллиардов нейронов, порождающих сознание? Нет, не ответили. Результаты работы мозга фиксируются в электроэнцефалографии (ЭЭГ), а не в сознании. Проблема состоит не в том, чтобы узнать, как миллиарды нейронов головного мозга человека порождают его сознание, вопрос в другом: почему миллиарды нейронов головного мозга животного не порождают сознание? Например, почему они не порождают сознание у слона. Мозг животного и мозг человека принципиально не отличаются. Но в одном случае есть сознание, а в другом – нет. И дело совсем не в неокортексе. А в чем же дело? Дело не в том, что я проживаю жизнь от первого лица, а в том, как наше бессознательное «мы» вообще приходит к сознательному «я». Как происходит переход от множественного числа к единственному, от «мы» к «я». Нет никакого закона для такого перехода. «Я» – дело случая. Просто у слона нет коллективного бессознательного, нет сознания без осознания себя. У него есть инстинкт. У кого есть инстинкт, у того нет коллективного бессознательного. У кого есть коллективное бессознательное, у того нет необходимости в эволюционном переходе к индивидуальному сознанию. Кто эволюционирует, тот не грезит. Кто грезит, тот не эволюционирует.

Наше сознание – это тонкая пленка образов, протыкая которую, мы обнаруживаем океан бессознательного. До XX в. мы думали, что это – океан сознания. Но З. Фрейд и К. Юнг помогли нам понять, что это не сознание, а бессознательное. Что это означает? Это означает, что сознание связано с волей. А если сознание не связано с волей, то его называют бессознательным. При этом Юнг уточнил, что это не просто бессознательное, которое есть у индивида, но это коллективное бессознательное, которое состоит не из нейронов, а из ложных идей разума, видений, сновидений и галлюцинаций. Если галлюцинации в нас изобретает природа, то образы изобретаем мы сами. Галлюцинации изобретает организм. Образы создаются трением грезящих людей друг о друга. Когда к работе по созданию образов приступили философы, писатели и артисты, началось движение к индивидуальному «я».

Самое главное событие в жизни человека – это взрыв его галлюцинаций. Галлюцинации – это не образы, это реальность. Коллективные образы Юнг назвал архетипами, и они входят в состав нашего человеческого галлюциноза. Или, что то же самое, это и есть, по сути дела, наше сознание до осознания себя. Столкновение природы и искусства, внутреннего тока галлюцинаций с внутренним током образов оттесняет галлюцинации на периферию человеческого существования и выдвигает на первое место коллективное бессознательное, то есть сознание без осознания себя. Если бы не было этого сознания, то есть не было коллективного бессознательного, то никакого «себя» от первого лица просто бы не существовало. В книге А. Сета этот факт не анализируется, и поэтому никакой новой теории сознания в этой книге нет.

Коллективное сознание не обязано себя осознавать в виде переживания от первого лица. Как нет никакой биологической необходимости в движении эволюции от черепахи с панцирем к черепахе без панциря, так нет никакой эволюционной необходимости в переходе от «мы» к «я», от коллективного бессознательного к индивидуальному сознанию.

Что значит быть собой? Быть собой не означает быть, ибо быть означает существовать в качестве сущего, но «сам» – это не сущее в ряду других сущих. Если мы обратим внимание на слово «быть», то уклонимся от понимания словосочетания «быть собой», ибо в нем весь смысл определяется словом «самость». Мы понимаем, что к региону сущего относится дерево, которое стоит перед окном. Но мы также понимаем, что к региону сущего не относится дерево, нарисованное на картине. Первое держится цепочкой причинных отношений, второе как образ локализуется во взгляде наблюдателя.

А. Сет в своей книге пытается понять, на каком этапе развития живого организма возникает сознание (с. 13). Дело в том, что оно ни на каком этапе развития живого организма не возникает и не может возникнуть. Для того чтобы оно возникло, нужно, чтобы произошел взрыв галлюцинаций, то есть столкнулись два противоположных тока энергии: внешний (сигналы среды) и внутренний (ток галлюцинаций). В результате взрыва возникают образы, которые выносятся за пределы организма и мозга. На этом заканчивается действие природы и начинается действие человека.

Нейропсихолог А. Сет полагает, что любое живое существо имеет ощущение того, что значит быть этим существом. Овца, пишет он, ощущает, что значит быть овцой, дельфин ощущает, что

значит быть дельфином. Правда, травинкам и бактериям А. Сет почему-то отказывает в этом ощущении. У них, говорит нейropsychолог, нет субъективного опыта, а у овцы есть внутренний мир. У нее есть опыт субъективного переживания. При этом А. Сет ссылается на Т. Нагеля, который в 1974 г. опубликовал статью под названием «Что значит быть летучей мышью?». Эта статья произвела фурор в англо-американской философии. Все рассуждения Нагеля строятся на убеждении, что у самой мыши некое ощущение себя летучей мышью все же присутствует (с. 21). «Я всегда, – говорит А. Сет, – выступал за этот подход, поскольку он делает упор на феноменологию – субъективные свойства сознательного опыта» (с. 22). В философии эти свойства иногда называют квалиа – краснота красного цвета, жгучесть ревности, пронзительность или тупое нытье зубной боли. Кто же обладает сознанием? Сознанием обладает, говорит А. Сет, тот, кто обладает собственной феноменологией: «Где есть опыт, есть феноменология, а где есть феноменология, есть сознание» (с. 22). Иными словами, А. Сет говорит, что сознание есть у того, у кого болят зубы, кто ревнует, кто видит цвет. Но суть дела состоит в том, что у того, у кого болят зубы, нет вовсе никакой феноменологии. Феномен возникает тогда, когда зубная боль отделяется от зуба, а цвет – отрывается от предмета. Но животные, как, впрочем, иногда и люди, отождествляют боль с зубом, цвет – с предметом. А если еще учесть, что никакой боли самой по себе нет, что цвет и звук сами по себе не существуют, то у животных появляется психика, а не сознание. Если бы у животных не было опредмеченных галлюцинаций (цвет, звук и др.), то ни о какой психике у них нельзя было бы говорить. У них была бы одна физиология. А поскольку животные живут в мире цвета, звука, запаха и т. п., постольку у них появляется не сознание, а психика. И свести ее к физиологии никакому бихевиористу не удастся. Цвет, боль, звук – это не субъективность. Это объективное свойство жизни живого существа.

Т. Нагель ввел в заблуждение научное сообщество. Он перенес опыт присутствия себя по отношению к себе на летучую мышь, и ему поверили. Этим переносом он искривил сознание нейробиологов, нейropsychологов и аналитических философов. Эта кривизна сознания выражается мыслью о том, что любое живое существо ощущает себя тем, что оно есть. Но у летучей мыши есть инстинкты, у нее не может быть чувства самого себя, ибо чувство самого

себя возникает у того, кто сломал свой инстинкт, то есть потерял свою сущность.

Ошибка нейробиолога А. Сета состоит в том, что он в отличие от Канта не увидел принципиального отличия человека от животного. Поэтому А. Сет говорит о восприятии вообще как о контролируемой галлюцинации. Но контролируемые токи галлюцинаций в жизни животных не наблюдаются. Чтобы галлюцинации пришли в движение, их нужно отделить от предмета. И тогда их присутствие можно было бы наблюдать, наблюдая за поведением животного. В животных они заморожены эволюцией. У человека галлюцинации не регулируются сознанием. Они, когда хотят, приходят, когда хотят, уходят. Человек может пребывать в сознании, и одновременно он может наблюдать свои галлюцинации. Их не достигают слова и речь. Они образуют самый нижний геометрический слой в коллективном бессознательном человека. Восприятие человека можно считать контролируемой галлюцинацией только в том случае, если мы имеем в виду продуктивное воображение априори. Галлюцинации – это неконтролируемые восприятия человека. А восприятие, задаваемое в рамках продуктивного воображения априори, это контролируемые сознанием (но не инстинктом) галлюцинации. Слушать концерт – означает галлюцинировать. Смотреть на картину – продуктивно воображать априори. Дерево у поэта и дерево у лесоруба – это разные деревья. В первом случае мы имеем дело с контролируемой галлюцинацией, во втором – с дословной реакцией на внешние потоки сигналов.

А. Сет говорит: «И “нормальное” восприятие, и “ненормальные” галлюцинации включают в себя порождаемые внутри нас прогнозы относительно источников входящих сенсорных данных, и обе разновидности образуются одним и тем же комплектом основных механизмов в мозге» (с. 104). Следуя за этой мыслью А. Сета, мы приходим к выводу о том, что мозг видит и дерево, и галлюцинацию дерева как одно и то же. Но это делает смертельно опасной жизнь животного. Заяц смотрит на волка, а мозг ему говорит, что это всего лишь неопасная галлюцинация, ибо в нем при взгляде на волка возбуждаются те же нейроны, что и при взгляде на галлюцинацию волка.

Достоинством книги Анила Сета является то, что в ней впервые отличаются настоящая проблема сознания и трудная проблема сознания. Трудную проблему придумал Д. Чалмерс, а «настоящую»

проблему сознания придумал А. Сет. Настоящая проблема отличается от трудной тем, что она «не ставит целью... объяснить, почему и каким образом сознание вообще существует как часть нашей вселенной» (с. 34). Сознание – не свойство вещей. Оно не принадлежит космосу. Сознание является свойством жизни человека во времени или, что то же самое, в мире образов. Анил Сет ищет нейронные корреляты сознательного опыта и не ищет ответ на вопрос о существовании сознания во вселенной. Проблема состоит в том, что сознание отличается вчера от сегодня, а нейронный коррелят не видит между ними отличия. Сознание человека не может знать всей полноты причин, относящихся к действию, но у него есть свободная воля, а у нейронного коррелята ее нет. Сознание сопряжено с чувствами и может дать существование тому, чего нет, что не существует. У него есть такое свойство, как вера. Нейронный коррелят не верит, и у него нет связи с чувствами. Нейронный коррелят не может создать образ самого себя. Своего двойника.

Анил Сет полагает, что мозг – это «предсказывающая машина». Она предсказывает, а мы видим и слышим ее предсказания. Сет пишет: «Доведя эту идею до логического конца, мы увидим, что содержание сознания – это что-то вроде сна наяву, контролируемой галлюцинации, которая одновременно превосходит реальный мир и уступает ему» (с. 94).

Во-первых, сознание – это не сумка. У сумки может быть содержание. У сознания нет содержаний, отличных от него. Быть в сознании всегда означает видеть сон наяву. Во-вторых, Сет ставит в нелегкое положение животных. Если у них вместо мозга стоит предсказывающая машина, то на что им надо реагировать действием: на предсказания мозга или на сигнал извне? Эта проблема решается легко: животному не нужно сознание. Ему достаточно мозга. У человека все обстоит иначе. Его ночные сновидения – это живопись, устраиваемая Богом для спящего человека. Некоторые сны могут быть вещими. Живопись – это дневные сновидения, устраиваемые художниками для бодрствующих людей. Мозг, заключенный в черепную коробку компьютера, обрабатывает данные внешних чувств. Он не рисует внутренний образ мира. Его рисует человек посредством сознания. Не мозг наблюдает за образом, а человек посредством сознания. Перцепция доопределяется апперцепцией. Автор требует зрителя. Картина К. Писсаро «Иней» нуждается не в перцепции зрителя, а в его апперцепции. Без нее картина станет просто краской, наляпанной на грязный холст.

Восприятие времени – это контролируемая сознанием галлюцинация. В мозге нет, говорит Анил Сет, датчиков времени (с. 160). И с ним нужно согласиться. Но тогда нужно согласиться и с тем, что животные живут вне времени, ибо у них есть мозг и психика, но у них нет сознания. То есть сознание – не часть психики. Лошади Кралля не знают времени, но контролируют расход своей мускульной энергии так, что для наблюдателя кажется, будто они по часам измеряют время.

Человек живет во времени, то есть в мире образов. Поэтому он может отличить сегодня от вчера. Это различие происходит не потому, что существует какое-то «сегодня» с набором каких-то свойств и еще существует какое-то «вчера» с набором других свойств. Ничего этого нет. Нет ни таких объектов, ни таких свойств. Время учреждают не часы, на которые мы смотрим. Время учреждает человек тем, что он дает существование тому, чего нет. При этом «вчера» одного не имеет никакого отношения к тому, что под титулом «вчера» учреждает другой. В этом случае все ориентируются на часы.

Человек может переживать, ибо переживать означает для него воображать то, чего нет. Например, представить себе, как говорит Э. Гуссерль в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии», в § 23, кентавра, играющего на флейте.

Нейропсихологи не обсуждают проблему образования феномена. Они обсуждают проблему деперсонализации, а также дереализации реальности. Суть проблемы состоит в искажении чувства самого себя. Образы, регулирующие это чувство, относятся к дословным уровням бессознательного. Одно дело, когда это чувство встроено в коллективное сознание. Тогда оно может быть связано с образом «мы», которому противостоит образ «они». Другое дело, когда оно встроено в коллективное бессознательное. Тогда оно не связано с языком и предстает как феномен. И третье – когда оно связано с «я». В этом последнем случае у человека возникают представления о приуроченности его сознания к телу. Поскольку сознание дискретно, оно может распадаться на части, на клипы. При этом «я» может не распадаться, быть целым. При распаде «я» у человека начинается распад тела.

Рассмотрим искажение чувства самого себя в эксперименте по созданию иллюзии резиновой руки у испытуемого человека. В этом эксперименте нейропсихологи заставляют испытуемого играть со своей психикой посредством сознания (с. 186–188).

Тело испытуемого делится на две части: одна часть находится по левую сторону картонной перегородки, другая – по правую. Глаза испытуемого видят только правую часть. В правой части расположена правая рука. Левая рука спрятана в левой части. Ее испытуемый не видит. В левой части крепится резиновая рука.

Заметим, что тело уже поделено экспериментатором. Оно виртуально уже не представляет целый организм. В игре участвуют мозг и психика. Глаза человека видят его правую руку и резиновую руку на месте левой. Что принадлежит человеку? То, что он ощущает. То, что он не ощущает, ему не принадлежит. Резиновую руку он не ощущает. Ее он своей не признает. Следовательно, сознание экспериментатора должно обмануть мозг и психику испытуемого. Его сознание не принимается в расчет. Обмануть можно глаза. Экспериментатор одновременно касается двумя кисточками правой руки и резиновой руки. Глаза видят это касание. Правая рука посылает сигналы мозгу, что ее коснулись кисточкой. Левая рука ничего не посылает, ибо ее не касались. Глаза посылают мозгу сигнал, что кисточки касались правой руки и резиновой. Мозг – это не сознание, а электрическая машина. Он не думает, а считывает сигналы. Он отождествляет то, что видят глаза, с тем ощущением, что ему посылает правая рука. Глаза тоже не мыслят. Мыслит человек. А он бездействует. Мозг переносит посредством глаз ощущение с правой руки на резиновую левую. Единый организм человека регулирует и исправляет эту ошибку. В чем ошибка? В том, что, когда мы видим, как кто-то ест бананы, у нас возбуждаются те же нейроны в мозге, что и у того, кто их ест. Организм-наблюдатель отклоняет ошибки, ибо он, посредством чувства голода, знает, что бананы мы не ели.

Точно так же создается иллюзия «всего тела», покидания своего тела и внетелесного переживания. Как строится эта иллюзия? Чувство самого себя заменяется чувством своего тела. Чувство самого себя дает нам возможность быть (действовать) во времени. Чувство тела принадлежит действию в пространстве. Для того чтобы действовать в пространстве, никакого «я» не нужно. Иллюзия выхода из своего тела предполагает отделение ощущения «я» от ощущения тела. Я в одном месте ощущаю себя, а ощущение тела находится в другом месте, где нет меня. Иллюзия перемещения в пространстве может достигаться простой стимуляцией височной извилины мозга. Пациентка Пенфилда говорит: я наполовину тут,

а наполовину не тут (с. 188). Мозг вообще существует для навигации в пространстве, а не во времени.

О. Сакс рассказывает о человеке, который выпал из кровати. Когда он ложился спать, у него все было в порядке. Утром он проснулся и захотел перевернуться на другой бок. И не смог. Этот человек завопил, что он обнаружил в своей кровати чью-то отрезанную ногу. Он ее стал выбрасывать из кровати и выпал вместе с ней. В рассказе Сакса больной отреагировал на это событие потоком своих внутренних образов, центром которого была мысль о шутке медицинской сестры. Свое тело мы ощущаем, а не свое тело мы не ощущаем.

В заключение А. Сет пишет: «Мы не когнитивные компьютеры, мы чувствующие машины» (с. 230).

Обобщая критические замечания в адрес новой теории сознания Анила Сета, необходимо сказать и о том, о чем он не пишет. Речь идет о феномене электронного двойника. Применение искусственного интеллекта ведет не только к деперсонализации и дереализации, но оно создает еще и возможности для учреждения интеллектуальной, психологической и эмоциональной копии человека, которая становится для многих сейчас тем, чем был «Черный монах» для философа Коврина из рассказа А. П. Чехова «Черный монах».